

От социального познания — к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой)

Д.А. Хорошилов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Поступила: 2 сентября 2016 / Принята к публикации: 10 сентября 2016

From social cognition to social epistemology (in memory of G.M. Andreeva)

Dmitry A. Khoroshilov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Received: September 2, 2016 / Accepted for publication: September 10, 2016

Статья представляет собой опыт прочтения научного и литературного наследия Г.М. Андреевой. В ней анализируется методология социального познания (social cognition) на протяжении полувека разрабатываемая ученой как инструмент анализа общества и характеризующих его социальных проблем. В контексте идей В. Тернера, З. Баумана и М.К. Мамардашвили определяется, что есть «социальность» познания, разворачиваемая в ракурсах ментализации, межличностного взаимодействия и массового сознания. На основе теоретических исследований Г.М. Андреевой доказывается смежность микропроцессов индивидуального конструирования знания и социальных макропроцессов в пространстве общения, диалога и дискурса. Трудность определения эпистемологического статуса группового, массового и общественного сознания рассматривается как следствие тенденции к антропоморфизации коллективного субъекта познания, которая оборачивается старой проблемой соотношения личности и общества в психологии — «действия» и «структуры» в социологии. Последние из них разрешаются Г.М. Андреевой через гармоничное объединение разноликих идей когнитивной психологии, социального конструкционизма, отечественной культурно-деятельностной теории Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева. Формулируются следующие характеристики социального познания как процесса конструирования образа социального мира: презумпция повседневности, активно-конструктивный характер, категориальность, дискурсивность, эмоциональность, критичность, перспектива клинического анализа социокультурных реалий. Исходя из сказанного, делается вывод об эвристичности идей научной школы Г.М. Андреевой в дискуссиях по проблемам гуманитарного знания, что позволяет говорить о новом статусе социальной психологии как эпистемологии современного общества и культуры. Ключевые слова: социальное познание, социальная эпистемология, массовое сознание, личность и общество, язык и дискурс, социальная категоризация и классификация.

This paper is dedicated to scientific and literary heritage of Galina M. Andreeva. The methodology of social cognition, for more than half a century developed by Galina M. Andreeva as a tool of social analysis, is discussed. The problem of social cognition, first indicated by V. Turner, Z. Bauman and M. Mamardashvili, is analysed in terms of mentalization, interpersonal interaction and mass consciousness. Based on G. Andreeva's theoretical research, the correlation between micro-processes of individual cognition construction and macro-processes of society in communication, dialogue and discourse is proved. The issue of finding the correct definition of a group, mass or public consciousness epistemological status is taken as a result of an old trend toward anthropomorphizing the collective cognition subject. This impedes the correlation between personality and society in psychology, meaning "agency" and "structure" in sociology. G. Andreeva discusses the last one, connecting cognitive psychology, social constructionism and activity theory. Theoretical assumptions of social cognition as the process of world image construction are formulated as follows: 1) presumption of general knowledge; 2) active constructive nature; 3) categorization and classification as the basic process; 4) the relationship between discourse and cognition; 5) emotionality; 6) critical orientation; 7) perspective for the clinical analysis of sociocultural realities. With respect to the abovementioned facts, it can be said that the ideas of scientific school founded by Galina M. Andreeva allow to innovatively define social psychology as a modern social and cultural epistemology.

Keywords: social cognition, social epistemology, mass consciousness, individuality and society, language and discourse, social categorization and classification

Осмысление классики отечественной социальной психологии – задача деликатного свойства. «Такие титаны жили на земле в древности», – вспоминает Т.Н. Толстая о своем деде М.Л. Лозинском. Эти же слова справедливы для поколения военного времени, к которому принадлежала и Галина Михайловна Андреева. Не будучи прямым учеником, а только вольным слушателем ее лекций, а позднее – внимательным собеседником, алчущим получить совет в собственных диссертационных изысканиях, я хотел бы занять позицию читателя, принадлежащего к определенной школе социальной психологии, и, тем самым, отвести возможные упреки в праве преемственности мысли. На этих страницах нет места экзальтированной музеификации или детализированной реконструкции творчества Г.М. Андреевой, вместо этого ее идеи осмысляются в контексте современных дискуссий и проблем. Такая манера письма – лучшая память об Ученом.

Исходный пункт – обсуждение социального познания, ибо этой исследовательской сфере Г.М. Андреева уделяла пристальное внимание и в одноименном университетском курсе знакомила слушателей с новейшими концепциями и тенденциями социальных наук. Художественной интуицией социального познания можно считать, пожалуй, разделение Л.Н. Толстым двух типов жизни (в романе «Воскресение»): «все люди живут и действуют отчасти по своим мыслям, отчасти по мыслям других людей». Степень того, насколько люди живут по своим мыслям и насколько по мыслям других людей, определяет одно из главных их различий между собою. В этих словах – ключ к пониманию социальной, т.е. в имманентном присутствии в мышлении фигуры Другого, будь то

конкретный знакомый человек или общество в целом.

Что есть «социальное» в познании?

Проблема социальности познания дискутировалась в истории философской мысли на протяжении столетий. «Societas» в латинском языке обозначает свободные договорные отношения между лицами, находящимися лицом к лицу. Границы понятия социальности можно расположить в следующем символическом континууме: «коммунитас», означающий прямое, непосредственное и всеобщее взаимодействие человеческих личностей как представителей рода Homo Sapiens, и состояние перетекания Я в Ты (Тэрнер, 1983), когда общности «жизни вместе» диалектически противостоит «порядок», сущность которого заключена в неравноправном распределении ресурсов и стратегий трансцендентности, произведенных культурой (Бауман, 2002, С. 6). Человек чувствует бессилие наедине с собой и другими людьми в той степени, в какой он лишен сложных форм социальности, собирающих его жизнь в «осмысленное целое» – так рассуждает М.К. Мамардашвили в своих Вильнюсских лекциях (Мамардашвили, 2008).

Философская идея социальности познания завоевывала признание тысячелетиями – от старинной критики влияния «теней» (Платон) и «идолов» (Ф. Бэкон) на чистое познание миропорядка, незамутненное чувственными впечатлениями, до триумфального признания в рамках социологии познания. Его началом послужила гипотеза, согласно которой «даже истины следовало считать социально обусловленными»

ми, связанными с историей общества, в котором они возникли» (Мертон, 2006, С. 654). Истоки данного направления восходят к именам К. Мангейма и М. Шелера. Позже задача изучения социального происхождения знания была во многом отдана на откуп социологии науки, которая вместо определения знания, как истинного мнения, рассматривает все то, что человек за него принимает – сами собой разумеющиеся или институционализированные представления, облеченные авторитетом социальных групп (Блур, 2002). Идея социальной детерминации познания, взятая без отрицательных коннотаций, заняла свое место в науках об обществе лишь в XX столетии.

Г.М. Андреева верно отмечает, что в философской и социологической традициях научного мышления «социальное познание не рассматривает в качестве своего субъекта конкретного единичного человека» (Андреева, 2005, С. 26). По этой причине, очевидно, современной социальной эпистемологии приходится «пересматривать и восстанавливать в правах проблематики индивидуальности» (Касавин, 2011, С. 364). Объединяясь в группы, реальные индивиды коллективно производят групповое знание, которое этически опасно обезличивать, тем самым лишая ответственности его «авторов», познавательные процессы всегда центрированы вокруг человека (Мотрошилова, 2011). В хитросплетениях общества, индивида и познания восстановить справедливость постаралась психология социального познания (social cognition), как тренд, заявивший о себе в 1970–1980-е гг.

Терминология и ранние исследования социального познания, которые изначально развивались в дисциплинарных границах социальной психологии (на пересечении изучения социальной перцепции, когнитивного соответствия и атрибутивных процессов), базировались на концептуальном допущении о рациональном устройстве жизни общества. Допущение противоположное старинной традиции ее иррационального объяснения, ведущей свое происхождение от имен Г. Лебона, У. Макдугалла и З. Фрейда. Основное внимание стало уделяться когнитивным механизмам конструирования социального мира

Дмитрий Александрович Хорошилов – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: d.khoroshilov@gmail.com

Для цитирования: Хорошилов Д.А. От социального познания – к эпистемологии общества (памяти Г.М. Андреевой) // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 3(23). – С. 76–85. doi: 10.11621/npsj.2016.0311

For citation: Khoroshilov D.A. (2016). From social cognition to social epistemology (in memory of G.M. Andreeva). National Psychological Journal, [Natsionalnyy psikhologicheskiy zhurnal], 3, 76–85. doi: 10.11621/npsj.2016.0311

ISSN 2079-6617 Print | 2309-9828 Online
© Lomonosov Moscow State University, 2016
© Russian Psychological Society, 2016

(Goethals, 2003). Используемое понятие социального познания призвано охватить когнитивные процессы, с помощью которых «одни люди понимают других, чтобы осуществлять согласованные действия» (Fiske, Taylor, 2013, p. 456).

В многообразии исследований определен базовый механизм социального познания, ментализация, т.е. способность понимать и интерпретировать поведенческие намерения другого человека, прогнозировать дальнейшее взаимодействие и, тем самым, объединяться в группы (Бейтман, Фонаги, 2014). Специфика ментализации, как процесса формирования представлений о психических состояниях людей, уточняется в нескольких теоретических моделях: «теории психического» (theory of mind), «теории симуляции» (simulation theory) и «считывания» (mindreading), чьи допущения были проанализированы и в русскоязычной литературе (Холмогорова, 2014). Важнейший результат ментализации – это построение диалогических когнитивных репрезентаций (отношений Я – Другой), которые возникают в онтогенезе, вследствие присущей человеку биологической адаптации к основанным на разделяемой намеренности взаимодействиям (Варнекен, Томаселло, 2011). Философский анализ «взаимодействующих сознаний» показывает, что «феномен Другого – это феномен непосредственного присутствия другого сознания в моем собственном сознании», при этом субъективность и способность управлять своим состоянием «надстраивается» над исходно интерсубъективными психическими образованиями (Кричевец, 2010).

Г.М. Андреева расширяет определение социального познания. Для нее это – не одна из множества предметных областей социальной психологии, занятая изучением общения как познания людьми друг друга (если уместно обратиться к формуле А.А. Бодалева), но и отдельная методология исследования современного общества, которая «развивает вкус» к восприятию и прояснению социальных проблем (Андреева, 2013b, С. 47). В «теории психического», по словам Е.А. Сергиенко, «другой человек не рассматривается как часть социальной группы, а выступает лишь как носитель психического» (Сергиенко, 2015). На

«место» интерсубъективности психология социального познания «подставляет» процессы взаимодействия и позиционирования идентичностей, зависящие от реального социального контекста и соответствующей ситуации массового сознания (Андреева, 2012b).

Примечательен логический ход, совершаемый в рассуждениях Г.М. Андреевой от микропроцессов взаимодействия лицом-к-лицу, в котором интерпретируется окружение, к макроуровню массового сознания, выражающемся в обществен-

мышления группе, ссылаясь на метафоричность использования этого понятия, наличие тенденции к «психологизации» социальной жизни. Так «можно говорить о системе инвариантных образов мира, точнее – абстрактных моделей, описывающих общие черты в видении мира различными людьми», которые соотносятся с устойчивыми, социально выработанными значениями, а не личносмысловыми образованиями (Леонтьев, 2005, С. 273).

Наследуя отечественной психологи-

Г.М. Андреева расширяет определение социального познания. Для нее это – не одна из множества предметных областей социальной психологии, занятая изучением общения как познания людьми друг друга (если уместно обратиться к формуле А.А. Бодалева), но и отдельная методология исследования современного общества, которая «развивает вкус» к восприятию и прояснению социальных проблем

ном мнении и настроении относительно «волнующих» сторон социальной жизни. Генезис массового сознания теоретически объясняется следующим образом: «субъективные» представления, выработанные отдельными индивидами, в коммуникации распространяются и одобряются другими людьми – тем самым обретают статус коллективных схем мышления, устанавливающих границы избирательного внимания и ти-

ческой традиции, Г.М. Андреева предпочитала говорить об образе социального мира, который не только создается («конструируется») отдельными индивидами, но и опосредует их деятельность в реальном мире. Включение деятельности в предмет науки социальной психологии «является необходимым, поскольку именно эта деятельность, в конечном счете, выступает как отношение» (Андреева, 1983, С. 57), характе-

Проблематика социального познания не сводится к когнитивным механизмам понимания в диадических отношениях Я – Другой, но требует перейти «по ту сторону» когниций – к изучению группового и массового сознания, чей эпистемологический статус неоднократно оспаривался в истории общественных наук. Что явилось одной из причин дисциплинарной «маргинализации» социальной психологии, которой пришлось потратить более полувека на возвращение социального контекста в свои исследования

пичных интерпретаций тех или иных событий и поведения (Дескола, 2012).

М. Дуглас, основываясь на классических исследованиях Э. Дюркгейма и М. Мосса о взаимосвязи структуры первобытного общества и характерных для него представлений о пространстве и времени, утверждает, что социальные институты лишены сознания в психологическом смысле, но как мыслительные коллективы (термин Л. Флека) обладают определенным стилем мышления – способами классификации действительности (Дуглас, 2012). Хотя социологи часто отказываются от приписывания

ризирующее психологическую реальность групповой активности. В этом пункте имеется очевидное сходство с позицией современного конструкционизма и неоднократно подчеркиваемое Г.М. Андреевой: «все, что психология сводит к ментальным началам, конструкционисты объясняют микросоциальными процессами» (Герген, 2003, С. 48).

Итак, проблематика социального познания не сводится к когнитивным механизмам понимания в диадических отношениях Я – Другой, но требует перейти «по ту сторону» когниций – к изучению группового и массового созна-

ния, чей эпистемологический статус неоднократно оспаривался в истории общественных наук. Что явилось одной из причин дисциплинарной «маргинализации» социальной психологии, которой пришлось потратить более полувека на возвращение социального контекста в свои исследования. Как хорошо известно, обращение к проблемам социальных изменений и межгрупповых отношений стало одной из линий демаркации американской и европейской «национальных» традиций в социальной психологии. Именно в европейских концепциях – социальной идентичности А. Тэшфела, социальных представлений С. Московиси, дискурс-анализа Р. Харре – заданы инструменты анализа массового сознания (Андреева, 2012а). Идет ли речь, соответственно, о стереотипизации и каузальной атрибуции в межгрупповых отношениях, «анкерровке» и «объективации» неизвестных, пугающих событий или интерпретативных репертуарах этнического, гендерного и классового неравенства – очевидно, эти механизмы отличаются от индивидуальных процессов работы с социальной информацией.

Я. Паркер, резюмируя статьи в «Европейском журнале социальной психологии» в период между 1970-ми и 1990-ми гг., пронизательно заключает следующее: «после двух десятилетий групповых исследований европейская социальная психология сейчас заново демонстрирует признаки включения в себя индивидуальной психологии как сердцевины изучения группового поведения» (Паркер, 2013, С. 76) (выделено автором). Не повторяется ли на наших глазах история вековой давности, когда социальная психология по ту сторону Атлантики «потеряла социальное» (Greenwood, 2004) и стала наукой об индивидуальных взаимодействиях в локальных малых группах?

В философии выделяются две позиции относительно существования социальной общности:

- 1) общество – особая реальность, независимая от бытия отдельных личностей;
- 2) общество – это результат («сумма») индивидуальных взаимодействий (Кемеров, 2012).

На заре возникновения социальной психологии обозначенные интерпрета-

ции прозвучали в известной полемике Э. Дюркгейма и Г. Тарда, отстаивавших соответствующие логики «социологизма» и «психологизма». Удивителен тот факт, что пока социальная психология боролась за установление взаимосвязей между познанием и макропроцессами социальных изменений (интерпретируя идеи Дюркгейма, Фрейда и Пиаже в концепции социальных представлений) (Андреева, 2003), авторитетные социологи выступили против понимания общества как «смыслообразующего фактора». Они сводят его к типам связей между вещами, которые, ясно, «сами по себе не являются социальными» (Латур, 2014, С. 17). Тотальность «социального» заменяется «ассоциацией» множества материальных и нематериальных элементов, объединенных в гетерогенные сети – «спустя столетие Тард празднует победу над Дюркгеймом» (Вахштайн, 2006, С. 31).

Проблема, которая стала одной из причин неожиданного расхождения социальной психологии и ее «родительской» дисциплины, в наши дни заключается в следующем. Для социальной психологии XIX–XX столетий было крайне важно найти категориальный аппарат для анализа массовых психических явлений и форм коллективного мышления. Речь велась о «духе» (М. Лацарус, Г. Штейнталь) и «душе народа» (В. Вундт), «групповом сознании» (У. Макдугалл), «коллективном бессознательном» (К. Юнг), «ментальности» (Л. Леви-Брюль), «коллективных представлениях» (Э. Дюркгейм) – перечень может быть длинным. При известных различиях в определениях понятий их объединяет старинная философская тенденция к антропоморфизации общества. При такой логике общество интерпретируется как коллективный субъект психического, наделенный чертами индивидуальной личности (Савельева, Полетаев, 2008). Аналогия «индивидуального» и «общественного» человека восходит к античной и средневековой философии (соответствие трех сословий идеального платоновского государства трем началам души человека, макрокосма и микрокосма).

Проблема переноса категорий индивидуального познания на социальное особенно четко встает при рассмотрении коллективной и культурной памя-

ти (Репина, 2011). Истоки исследования этой темы в отечественной социальной психологии Г.М. Андреева находила уже в трудах В.М. Бехтерева – принципиально важный для нее «отклик» прошлого в современности (Андреева, 2007). Насколько правомерно переносить механизмы индивидуальной памяти на коллективную и наоборот? Не является ли «внешне» индивидуальная память производной от коллективной? От последнего понятия отказывалась в предсмертной работе С. Зонтаг: «Всякая память индивидуальна и не копируема – она умирает вместе с человеком. То, что называется коллективной памятью, – не воспоминание, а договоренность: вот что важно, вот история того, как все происходило» (Зонтаг, 2014, С. 65) (выделено автором).

Каждый человек является носителем «живой» исторической памяти, преобразуя знание о прошлом в автобиографический опыт (Нуркова, 2009). Изучение воспоминаний о сталинском терроре дает возможность реконструировать динамические аспекты передачи памяти о не погребенном прошлом, оборачивающейся призраками и монстрами «мертвой социальности» в постсоветской культуре – в кинематографе А. Балабанова, К. Муратовой, И. Хржановского. Как рассуждает А.М. Эткинд, «поколению террора достаются массовые захоронения, первому поколению после катастрофы – травма, а второму и последующим – горе», которое и возвращает мертвых к жизни (Эткинд, 2016, С. 13). По всей видимости, разделение индивидуальных и социальных измерений памяти – теоретическая условность, которая преодолевается в междисциплинарных исследованиях (ср. с поэтической формулой А.А. Ахматовой: «Я же роль рокового хора на себя согласна принять»).

Парадокс заключается в том, что коллективный субъект не может существовать без входящих в него индивидуальных, но при этом изменение состава индивидов, входящих в данный коллективный субъект, совсем необязательно означает изменение последнего (Лекторский, 2009). Из-за неопределенности эпистемологического статуса коллективного мышления нередко возникали дискуссии о задачах социальной психологии: Г. Зimmel стремился доказать,

что у группы отсутствует «душа», а предметом исследования остается «психологический индивидуум» (Зиммель, 2009, С. 121). А.Н. Леонтьев – с совершенно иных теоретических позиций – задавался вопросом, правомерно ли говорить о психологии общества и составляющих его классов. Ответ, на первый взгляд, неутешителен: «в смысле науки психологии – нет», можно говорить только о психологии определенного индивида, живущего в определенные исторические эпохи (Леонтьев, 2004, С. 215). При этом Зиммель является автором одной из первых программ социальной психологии как самостоятельной науки. А именно по приглашению А.Н. Леонтьева Г.М. Андреева открыла кафедру социальной психологии на факультете психологии МГУ в 1972 г.

Принимая во внимание обе позиции, можно утверждать, что эпистемологический вопрос о коллективном субъекте (группового и, шире, массового сознания) оборачивается проблемой соотношения личности и общества, а на социологическом языке – дилеммой «действие» (agency) versus «структура» (structure), т.е. активности индивида в изменении социальной структуры и одновременной детерминации его действий обществом. Согласно воззрениям С.Л. Рубинштейна, «должно быть отвергнуто представление о единственном субъекте как отправном пункте познания. «Я» – субъект познания – это универсальный субъект, это коллектив, сотрудничество эмпирических субъектов» (Рубинштейн, 2010, С. 23).

В первой половине XX столетия (с далеко не всегда совпадающих точек зрения, но в единодушном признании культурно-символической формы психики) Л.С. Выготский, М.М. Бахтин и Дж. Г. Мид обосновали принципиальное единство отношений Я – Другой, невозможность их самостоятельного друг от друга рассмотрения. Социальная психология, казалось бы, приняла тезис об условном разделении индивида и окружения – «исследование личности есть всегда другая сторона исследования общества» (Андреева, 2010, С. 68). Объяснительные принципы в «новых социологиях» – речь идет о фигурации (Н. Элиас), структурации (Э. Гидденс) и габитусе (П. Бурдьё) –

как бы выходя за пределы «эмпирической личности» и стремятся постичь «множественных индивидов в качестве продуктов и производителей разнообразных социальных отношений» (Коркюф, 2002, С. 23). Какие же практики осуществляют индивиды, чтобы воспроизвести социальные отношения в качестве устойчивой системы общества (Шматко, 2001)?

Известный социолог и старинный друг Г.М. Андреевой комментирует, что предложенная ею методология исследования социального познания отвергает старый постулат Декарта «*cogito ergo sum*» и утверждает кардинально иной принцип: «я мыслю, ибо вступаю в дискурс с другими мыслящими» (Ядов, 2009, С. 13). Индивидуализация личности является производной от выстраиваемых отношений в различных дискурсах, т.е. системах значений, закрепленных в языках общества, культуры и искусства. Следовательно, познание суть «место встречи» и интеграции этой «дискурсивной мозаики» (обсуждение статуса социальной психологии в пространстве современной науки и культуры Г.М. Андреева начинает с проблемы языка) (Андреева, 2013а). Одна из главных задач социально-психологических исследований – изучение обыденного использования языка в позиционировании партнеров по взаимодействию как «распределения» публичного знания о правах и обязанностях и «встраивания» в заданные обществом и культурой «фабулы» и «сюжеты» (Harré, Moghaddam, 2015). Утверждение о единстве личности и общества (т.е. индивидуального и коллективного субъекта познания) в их позиционировании через дискурс и диалог открывают перспективы для исследования социального познания в нескольких теоретических ракурсах.

Теоретические допущения психологии социального познания

Презумпция повседневности в социальном познании

«Познание социального мира рядовым членом общества, непрофессионалом, познание им социальной реальности как реальности своей, собственной жизни»

(Андреева, 2009, С. 72) – такое определение предмета социального познания знаменует необходимость психологического исследования течения повседневной жизни. Феноменологическая установка на описание и понимание жизненного мира «здорового смысла» была усвоена социальной психологией через работы Ф. Хайндера. От его книги 1958 г. «Психология межличностных отношений» начинается полувекковая традиция изучения каузальной атрибуции (как поиска «наивным человеком» смысла и причинно-следственных связей в происходящих событиях), приводящая, в конечном счете, к социальным представлениям – коллективно разделяемым обыденным объяснениям социальных изменений (Hogg, Vaughan, 2010).

В последней из упомянутых теорий намечается возобновление диалога социальной психологии с исторической психологией, историей ментальностей, а также антропологией повседневности (Гусельцева, 2015). Г.М. Андреева неоднократно сопоставляет концепции социальных представлений и ментальности (с точки зрения анализа массового сознания), подчеркивая конструктивный характер «социального воображаемого» (термин Ж. Дюби) – оно создается людьми и, вместе с тем, пересоздает их видение мира.

Конструктивность социального познания

Идея активности познания прозвучала в немецкой классической философии с ее «акцентированием деятельной стороны познания: сознание человека не только отражает мир, но и творит его». Однако Кант и Гегель пишут скорее не об индивидуальном, а о человеческом сознании, всеобщем духовном достоянии, закрепленном в языке и культуре (Гулыга, 2001, С. 56). Их предшественник – итальянский мыслитель Дж. Вико стремился показать искусственный или сотворенный характер «мира наций», способ возникновения которого «нужно найти в модификациях нашего собственного Человеческого Сознания» (Вико, 1994, С. 118).

Характеристика конструктивности восприятия, сопоставимая с его трактовкой как «активного отражения» мира в практической деятельности, фактиче-

ски означает процесс интерпретации и поиска взаимосвязей между явлениями и событиями окружения. Этот взгляд на восприятие заложен в «когнитивном конструктивизме» Дж. Келли и Ж. Пиаже. Стронники «социального конструктивизма» (Л.С. Выготский, Дж. Bruner, С. Московиси) фокусировали внимание на социальных отношениях, в которых формируются ментальные репрезентации окружающего мира. Наконец, движение «социального конструкционизма» устами К. Бергена, Дж. Поттера, Дж. Шоттера объявило когниции дискурсивным фактом, производным от конкретной коммуникативной ситуации и консенсуса (Hernburn, 2003).

Категориальность социального познания.

Идея активно-деятельностной природы познавательных процессов, усвоенная когнитивной психологией, дополняется признанием категориальной организации восприятия – благодаря организованной системе категорий, можно классифицировать и идентифицировать доходящие до субъекта стимулы, а также придавать им более четкие коннотативные значения (Bruner, 1977) (ср. с цитированным ранее предположением М. Дуглас о способности институтов к классификации). В работах Г.М. Андреевой говорится о социальной категоризации, подчеркивающей специфичность познания общественных явлений. Стратификация и неравноправный доступ к физическим и символическим благам «функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура», – утверждает П. Бурдьё (Бурдьё, 1993, С. 37).

В соответствии с логикой «когнитивного поворота» для социальной психологии большое значение имеет исследование категоризации групп, а не только индивидов как их отдельных представителей. Есть даже специальный термин для обозначения тенденции рассматривания социальных групп в качестве «естественных» составляющих общества и базовых единиц анализа социальной жизни – «эффект группизма» (Брубейкер, 2012). Тем самым подчеркивается, что социальные науки призваны раскрыть «наивные» (народ-

ные – folk) теории восприятия групповых образований как унифицированных целостностей или «реально» действующих коллективных «персонажей» – акторов (Обыденное и научное ..., 2015). Подобная установка наиболее четко прослеживается в теории социальной идентичности А. Тэшфела и ее современной вариации М. Хогга (с опорой на принцип неопределенности). Они акцентировали именно воспринимаемый статус «своей» – «чужой» группы как справедливый или несправедливый, что при отсутствии или наличии «когнитивных альтернатив» сложившемуся положению дел «запускает» соответствующие стратегии отстаивания идентичности, в том числе – конфронтацию и конфликт (Hogg, Abrams, 1998).

Дискурсивность социального познания

Классификационные категории обыденного познания как процесса «собрания» разрозненных социальных объектов в единообразно воспринимаемые группы, строго говоря, не ментальной природы, ибо они производны от конкретных коммуникативных ситуаций и дискурсов, «систематически формирующих те объекты, о которых они говорят» (Фуко, 2004, С. 112). В полемике между сторонниками дискурс-анализа и теории Московиси доказывается, что эпистемологически социальные представления – это не чисто когнитивные, а скорее лингвистические структуры, которые «локализованы» в языке повседневной жизни (Potter, Wetherell, 1987). Г.М. Андреева предлагает следующее решение спора: в дискурсе, как «общении с помощью языка», вырабатывается социальный консенсус, включающий в себя нормативные образцы интерпретации социальных явлений (Андреева, 2005).

Эмоциональность социального познания

При том, что в современной социальной психологии достаточно подробно изучена включенность эмоций и настроения в процессы переработки социальной информации и принятия решений (в работах Дж. Форгаса прежде всего), дискурсивный подход стремится решить вопрос о том, как общество в различные исторические периоды

формирует нормативные модели переживания и чувства, которые усваиваются людьми для истолкования окружающего мира и самопознания (Юханнисон, 2011). Тем самым, обнаруживается весьма неожиданный выход из «лабиринта» когниций, аффектов и языка к проблеме социокультурной детерминации «внутренних» состояний и индивидуального воссоздания сферы «частной жизни» в противоположность публичной.

Критичность социального познания

Изучение того, как политические потребности превращаются в психологические, что является основополагающим механизмом власти в капиталистических обществах, во-многом определило научный пафос критической теории Франкфуртской школы, в рамках которой был предпринят опыт сближения психоанализа и марксизма. Оба философских направления претендуют на освобождение сознания «либо от отношений господства и идеологий, которые его поддерживают, либо от тормозящих и непрозрачных моментов расстроенного психического аппарата» (Уэст, 2015, С. 129). По Г.М. Андреевой, изучение социального познания неминуемо включает в себя такие темы, как влияние изменений социальных условий существования человека на патологические изменения его состояния (обычно маркируемые словосочетаниями «кризис идентичности в условиях социальной неопределенности» и «коллективная травма») (Андреева, 2011). Из сказанного можно сделать вывод о возможности «психоанализа общества» и обращения к языку клинической психологии для изучения повседневной жизни и массового сознания (дополнительно к традиционным формам социально-психологических исследований).

Клинический анализ социального познания?

Приведенный тезис стоит под вопросом ввиду его неразработанности в современной социальной психологии, которая переживает возрождение психоаналитических концепций (Hollway, 2007). Отмечается, что массовое сознание современного общества имеет явную склонность к «психологизации» объяснений социальных трансформаций, что позволяет не просто

соотнести личностные нарушения и макросоциальный порядок, но перенести традиционно клинические термины «диффузии», «расщепления», «фрагментации» в область изучения и социальных представлений. Такая оптика, по словам Е.Т. Соколовой, сопоставима с микроскопом, который «преувеличивает явления, как будто размытые в массовой норме» (Соколова, 2015, С. 10). В данном случае анализ патопсихологических явлений переходит от уровня изучения отдельного индивида к культурно-исторической патопсихологии целых наций (Бурлакова, 2016). Однако здесь еще предстоит выработать язык концептуализации клинического объяснения, несводимый к антропоморфной проекции патологических личностных организаций на общество.

Социальная психология – новая эпистемология общества?

Психология социального познания, задуманная Г.М. Андреевой как оригинальная методология исследования современного общества и характеризующих его социальных проблем, позволяет выйти за рамки условных различий позиций Я – Другой, микропроцессов межличностных взаимодействий и коммуникаций «лицом-к-лицу» и макропроцессов массового сознания. Она дает также возможность мыслить единство индивидуального и социального, личности и общества через понятия диалога и дискурса. В указанных эпистемологических ракурсах анализируется образ социального мира, конструируемый самими людьми и, вместе с тем, опосредующий их повседневную практическую деятельность. «Социальное познание есть всегда построение определенной картины мира, частью которого человек осознает себя, в котором он живет и действует» (Андреева, 2002, С. 182) (ср.: «со-

циальное воображаемое» переплетается с действительным и участвует в функционировании социального строя» – Гуревич, 2014, С. 173).

Главный фокус психологии социального познания задан аналитикой составляющих повседневность интерпретаций и классификаций действующих в обществе «коллективных акторов» – социальных групп, чей образ конструируется диалогически-дискурсивно. Но задача исследований явно не ограничивается только описанием этих символических форм обыденного познания (с помощью теоретического «словаря» социальных пред-

Психология социального познания, задуманная Г.М. Андреевой как оригинальная методология исследования современного общества и характеризующих его социальных проблем, позволяет выйти за рамки условных различий позиций Я – Другой, микропроцессов межличностных взаимодействий и коммуникаций «лицом-к-лицу» и макропроцессов массового сознания. Она дает также возможность мыслить единство индивидуального и социального, личности и общества через понятия диалога и дискурса

ставлений и социальной идентичности), а предполагает также обращение к научной критике влияния, оказываемого воссоздаваемым в массовом сознании смысловым порядком на этическое и аффективное состояние человека в ракурсе его возможной «патологизации». В пунктирах истории, антропологии, социологии, социальной и клинической психологии становится очевидной междисциплинарность исследований социального познания. «Комплексный» подход отстаивался Г.М. Андреевой уже в ее ранних «допсихологических» философско-социологических работах (Андреева, 1965, С. 298).

Таким образом, социальная психология, если логически продолжить размышления Г.М. Андреевой, может претендовать на статус эпистемологии общества, как в свое время мечтал С. Московиси – другой мыслитель того же «титанического поко-

ления» (вспомним метафору в начале настоящей статьи). Обобщая знание об индивидуальности, обществе и культуре, социальная психология превращается в антропологию современности. И большое значение на пути построения такой новой энциклопедической науки о человеке играет не только энтузиазм научно-исследовательского поиска, но – вот самое главное – эмоциональная и интеллектуальная атмосфера школы социальной психологии, которая создавалась волей и усилиями Г.М. Андреевой на протяжении полувек. Эта атмосфера хорошо опознается в ее собственных мемуарах: «Когда я попала на

психологический факультет, я как будто в другой мир пришла. Тут был старинный университет, по которому ходили такие старцы, как Леонтьев, Лурия, Гальперин, которые говорили на разнообразных языках и к которым без конца приезжали какие-то ученые ... Тогда говорились, что это единственный интеллигентный факультет во всем МГУ» (Война спровоцировала ..., 2002, С. 86).

Так ли осталось и сегодня – разумеется, не суждено судить автору. Он может лишь скромно выразить благодарность судьбе за возможность учиться у Г.М. Андреевой и поделиться с читателями сокровенной надеждой на то, что основанная ею школа социально-психологической мысли продолжит свой путь в будущем и поможет найти нужные слова и объяснения глобального мира в стихии непредсказуемости и неизвестности XXI столетия.

Литература:

- Андреева Г.М. Значение идей А.Н. Леонтьева для развития марксистской социальной психологии // А.Н. Леонтьев и современная психология: сборник статей памяти А.Н. Леонтьева. – Москва : МГУ, 1983. – С. 54–65.
- Андреева Г.М. Идеи Грушина развиваются сегодня в самых различных областях общественных наук // Открывая Грушина. Т. 3. – Москва : МГУ, 2012а. – С. 49–56.
- Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. – 2011. – 6 (20). – Электронный ресурс. – Режим доступа : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.04.2016).
- Андреева Г.М. Методологические проблемы социальной психологии в трудах В.М. Бехтерева // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2007. – Т. 149, № 1. – С. 70–83.

- Андреева Г.М. О «социологизации» социальной психологии в XX столетии // Социологический журнал. – 2003. – № 2. – С. 12–30.
- Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2012b. – 5 (26) : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772> - (дата обращения 28.09.2016)
- Андреева Г.М. Психология социального познания. – Москва : Аспект Пресс, 2005.
- Андреева Г.М. Современная буржуазная эмпирическая социология. – Москва : Мысль, 1965.
- Андреева Г.М. Социальная психология. – Москва : Аспект Пресс, 2010.
- Андреева Г.М. Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2013a. – 6 (30) : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/861-andreev> - (дата обращения 28.09.2016)
- Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. – Москва : НОУ ВПО МПСИ, 2009.
- Андреева Г.М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. – 2013b. – № 1(9). – С. 39–41. DOI: 2079-6617/2013.0106
- Андреева Г.М. Трудности социального познания: «образ мира» или реальный мир? // Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – С. 182–198.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. – Москва : Логос, 2002.
- Бейтман Э., Фонаги П. Лечение пограничного расстройства личности с опорой на ментализацию. – Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2014.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. – Москва : Медум, 1995.
- Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – 5–6 (35). – С. 35.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. – Москва : ВШЭ, 2012.
- Брунер Дж. Психология познания. – Москва : Прогресс, 1977.
- Бурдые П. Социология политики. – Москва : Socio-Logos, 1993.
- Бурлакова Н.С. Психодинамика передачи травматического опыта от поколения к поколению в контексте культурно-исторической клинической психологии [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2016. – № 9(45) : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n45/1241> - (дата обращения 28.09.2016).
- Варнекен Ф., Томаселло М. Познание на службе у культуры // Когнитивная психология: история и современность / под ред. М. Фаликман, В. Спиридонова. – Москва : Ломоносов, 2011. – С. 79–90.
- Вахштайн В.С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей / под ред. В.С. Вахштайна. – Москва : Территория будущего, 2006. – С. 7–39.
- Вико Дж. Основания новой науки. – Москва ; Киев: Refl-book ; ИСА, 1994.
- Война спровоцировала всякие запросы о жизни : интервью с Г.М. Андреевой // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2., № 3. – С. 78–87.
- Герген К. Социальный конструкционизм: знание и практика. – Минск : БГУ, 2003.
- Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. – Москва : Рольф, 2001.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – Москва ; Санкт-Петербург, 2014.
- Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к эволюции психологического знания : дис. ... докт. психол. наук. – Москва, 2015.
- Дескола Ф. По сторону природы и культуры. – Москва : Новое лит. обозрение, 2012.
- Дуглас М. Как мыслят институты // Социология власти. – 2012. – № 4–5 (1). – С. 188–217.
- Зиммель Г. Социальная психология // Социология. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – С. 115–121.
- Зонтаг С. Смотрим на чужие страдания. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Касавин И.Т. Социальность познания // Энциклопедический словарь по эпистемологии / под ред. И.Т. Касавина. – Москва : Альфа-М, 2011. – С. 362–364.
- Кемеров В.Е. Общество, социальность, полисубъектность. – Москва : Академический проект, фонд «Мир», 2012.
- Коркюф Ф. Новые социологии. – Москва ; Санкт-Петербург : Институт экспериментальной социологии ; Алетейя, 2002.
- Кричевец А.Н. Cogito, Другой и представления о психическом [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2010. – № 5 (13) : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/377-krichevets13.html> - (дата обращения 28.09.2016).
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – Москва : ВШЭ, 2014.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – Москва : Едиториал УРСС, 2009.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Смысл, Академия, 2004.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – Москва : Смысл, 2005.
- Мамардашвили М.К. Опыт физической метафизики. – Москва : Прогресс-Традиция, 2008.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – Москва : Хранитель, 2006.
- Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. – Москва : Академический проект, 2012.
- Нуркова В.В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. – 2009. – №1, С.5–27.
- Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамова, И.В. Катерного. – Москва : Прогресс-традиция, 2015.
- Паркер Я. Психоаналитическая культура: психоаналитический дискурс в западном обществе. – Ижевск : ERGO, 2013.

- Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета: гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. – № 3. – С. 191–201.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. – Санкт-Петербург : Питер, 2010.
- Савельева И.М., Поляев А.В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. – Москва : Новое лит. обозрение, 2008.
- Сергиенко Е.А. Модель психического и социального познание [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2015. – Т. 8, 42 : [сайт]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1163> - (дата обращения 28.09.2016).
- Словарь основных исторических понятий : избр. статьи. В 2-х тт. Т 1. – Москва : Новое лит. обозрение, 2014.
- Соколова Е.Т. Клиническая психология утраты Я. – Москва : Смысл, 2015.
- Тэрнер В. Символ и ритуал. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.
- Уэст Д. Континентальная философия : введение. – Москва : Дело, 2015.
- Фуко М. Археология знания. – Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия ; Университетская Книга, 2004.
- Холмогорова А.Б. Природа нарушений социального познания при психической патологии: как примирить «био» и «социо»? // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – № 4 (83). – С. 8–29.
- Шматко Н.А. Практические и конструируемые социальные группы: деятельностно-активистский подход // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. – Москва : Канон-пресс-Ц, 2001. – С. 104–122.
- Эткинд А.М. Кривое горе: память о непогребенных. – Москва : Новое лит. обозрение, 2016.
- Юханнисон К. История меланхолии. – Москва : Новое лит. обозрение, 2011.
- Ядов В.А. Публично объясняюсь в любви к юбиляру // Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой / под ред. Ю.П. Зинченко и Т.Д. Марцинковской. – Москва : МГУ, 2009. – С. 9–14.
- Fiske, S.T. & Taylor, S.E. Social cognition: from brains to culture. L., Sage.
- Goethals, G.R. (2007) A century of social psychology: individuals, ideas and investigations. The Sage handbook of social psychology. L., Sage, 3-23. doi: 10.4135/9781848608221.n1
- Greenwood J.D. (2004) The disappearance of the social in American social psychology. NY, Cambridge University Press.
- Harré, R. & Moghaddam F. Positioning theory and social representations. The Cambridge handbook of social representations. Cambridge, Cambridge University Press, 224–233.
- Hepburn, A. (2003) An introduction to critical social psychology. L, Sage.
- Hogg, M.A. & Abrams, D. (1998) Social identifications: a social psychology of intergroup relations and group processes. L., Routledge.
- Hogg, M.A. & Vaughan, G.M. (2010) Essentials of social psychology. L., Prentice Hall.
- Hollway, W. (2007) Methods and knowledge in social psychology. Social psychology matters. London, Open University Press, 33–64.
- Potter, J. & Wetherell, M. (1987) Discourse and social psychology: beyond attitudes and behavior. L., Sage.

References:

- (2002) The war has caused many questions about life: an interview with G.M. Andreeva [*Sotsiologicheskoe obozrenie*], 3, 78–87.
- (2015) Common and scientific knowledge about society: reciprocal influences and reconfigurations. Moscow, Progress-Traditsiya.
- Andreeva, G.M. (1983) The meaning of A. N. Leontiev's ideas for Marxist social psychology development [*A.N. Leontiev i sovremennaiya psikhologiya: sbornik statey pamyati A.N. Leontieva*]. Moscow, MGU, 54–65.
- Andreeva, G.M. (1965) Contemporary bourgeois empirical sociology. Moscow, Mysl'.
- Andreeva, G.M. (2002). Problems of social cognition: the picture of the world or the real world? Moscow, Aspekt Press, 182–198.
- Andreeva, G.M. (2003) About “sociologization” of social psychology in 20th century [*Sotsiologicheskii Zhurnal*], 2, 12–30.
- Andreeva, G.M. (2005) Psychology of social cognition. Moscow, Aspekt Press.
- Andreeva, G.M. (2007) Methodological issues of contemporary psychology in V.M. Bechterevo's research [*Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo Universiteta*], 149, 70–83.
- Andreeva, G.M. (2009) Social psychology now: search and thoughts. Moscow, MPSI.
- Andreeva, G.M. (2010) Social psychology. Moscow, Aspekt Press.
- Andreeva, G.M. (2011) On the issue of identity crisis in terms of social transformations [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 6 (20). : URL: <http://psystudy.ru>
- Andreeva, G.M. (2012) Grushin's ideas are currently developing in terms of various social sciences [*Otkryvaya Grushina. Tom 3*]. Moscow, MGU, 49–56.
- Andreeva, G.M. (2012) Identity's presentations in the context of interaction [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 26. URL : <http://psystudy.ru>
- Andreeva, G.M. (2013) Social cognition and social problems [*Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*], 9, 39–41. DOI: 2079-6617/2013.0106
- Andreeva, G.M. (2013) Social psychology in terms of contemporary science and culture [*Psikhologicheskie issledovaniya*], 30. URL : <http://psystudy.ru>
- Bauman, Z. (2002) Individualized society. Moscow, Logos.
- Beitman, E. & Fonagi, P. (2014) Mentalization based treatment of borderline personality disorder. Moscow, Institut obschegumanitarnykh issledovaniy.
- Berger, P. & Lukman, T. (1995) Social construction of reality: sociology of knowledge. Moscow, Medum.
- Bloor, D. (2002) Strong programme in sociology of knowledge. Logos, 5, 1–24.
- Bourdieu, P. (1993) Sociology of politics. Moscow, Socio-Logos.
- Brubaker, R. (2012) Ethnicity without groups. Moscow, VShE.

- Bruner, J. (1977) Psychology of cognition. Moscow, Progress.
- Burlakova, N.S. (2016) Psychodynamics of cross-generational transition of traumatic experience in the context of cultural historic clinical psychology [Psikhologicheskie issledovaniya], 45. URL : <http://psystudy.ru>
- Corcuff, Ph. (2002) New sociologies. Moscow, Saint Petersburg, Institut eksperimental'noy sotsiologii, Aleteya.
- Deskola, F. (2012) From the point of nature and culture. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Duglas, M. (2012) How do institutions think [Sotsiologiya vlasti], 4–5, 188–217.
- Etkind, A.M. (2016) Crooked grief: about the unburied. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Fiske, S.T. & Taylor, S.E. Social cognition: from brains to culture. L., Sage.
- Fooko, M. (2004) Archeology of Knowledge. Saint Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya, Universitetskaya kniga.
- Gergen, K. (2003) Social constructionism: knowledge and practice. Minsk, BGU.
- Goethals, G.R. (2007) A century of social psychology: individuals, ideas and investigations. The Sage handbook of social psychology. L., Sage, 3–23. doi: 10.4135/9781848608221.n1
- Greenwood J.D. (2004) The disappearance of the social in American social psychology. NY, Cambridge University Press.
- Guliga, A.V. (2001) Classical German philosophy. Moscow, Rol'f.
- Gurevich, A.Ya. (2014) Historical synthesis and “École des Annales”. Moscow, Saint Petersburg.
- Gusel'tseva, M.S. (2015) Cultural analytic approach to psychological knowledge evolution. Moscow.
- Harré, R. & Moghaddam F. Positioning theory and social representations. The Cambridge handbook of social representations. Cambridge, Cambridge University Press, 224–233.
- Hepburn, A. (2003) An introduction to critical social psychology. L, Sage.
- Hogg, M.A. & Abrams, D. (1998) Social identifications: a social psychology of intergroup relations and group processes. L., Routledge.
- Hogg, M.A. & Vaughan, G.M. (2010) Essentials of social psychology. L., Prentice Hall.
- Hollway, W. (2007) Methods and knowledge in social psychology. Social psychology matters. London, Open University Press, 33–64.
- Juhannison, K. (2011) History of melancholy. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kasavin, I.T. (2011) Sociality of cognition [Entsiklopedicheskiy slovar' po epistemologii], Moscow, Alfa-M, 362–364.
- Kemerov, V.E. (2012) Society, sociality, polysubjectness. Moscow, Akademicheskii proekt, fond “Mir”.
- Kholmogorova, A.B. (2014) Social cognition deviations in terms of psychical pathology: how to balance “bio” and “socio”? [Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya], 4, 8–29.
- Krichevets, A.N. (2010) Cogito, another One and the view of the psychical [Psikhologicheskie issledovaniya], 13. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/377-krichevets13.html>
- Latur, B. (2014) Rebuilding of the social: introduction to actor web theory. Moscow, VShE.
- Lektorskiy, V.A. (2009) Classical and non-classical epistemology. Moscow, Editorial URSS.
- Leontiev, A.A. (2005) The basics of psycholinguistics. Moscow, Smysl.
- Leontiev, A.N. (2004) Activity. Consciousness. Personality. Moscow, Smysl, Akademiya.
- Mamardashvili, M.K. (2008) Experience of physical metaphysics. Moscow, Progress-Traditsiya.
- Merton, R. (2006) Social theory and social structure. Moscow, Khranitel'.
- Motroshilova, N.V. (2012) National philosophy of the 50s-80s (20th century) and western ideas. Moscow, Akademicheskii proekt.
- Nurkova, V.V. (2009) History as a personal experience [Istoricheskaya psikhologiya i sotsial'nie istorii], 5–27.
- Parker, Ya. (2013) Psychoanalytical culture: psychoanalytical discourse in western society. Izhevsk, ERGO.
- Potter, J. & Wetherell, M. (1987) Discourse and social psychology: beyond attitudes and behavior. L., Sage.
- Repina, L.P. (2011) Phenomenon of memory in contemporary humanitarian knowledge [Uchenie zapiski Kazanskogo Universiteta], 153, 191–201.
- Rubinshtein, S.L. (2010) Human and the world. Saint Petersburg, Piter.
- Savelieva, I.M. & Poletaev, A.V. (2008) Social vision of the past OR do Americans know the history. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sergienko, E.A. (2015) Model of the psychical and social cognition [Psikhologicheskie issledovaniya], 42.
- Shmatko, N.A. (2001) Practical and constructed social groups: activity approach [Rossiya: transformiruyushcheesya obshchestvo], Moscow, Kanonpress-Ts, 104–122.
- Simmel, G. (2003) Social psychology [Sotsiologiya]. Moscow, Editorial URSS, 115–121.
- Sokolova, E.T. (2015) Clinical psychology of the loss of identity. Moscow, Smysl.
- Sontag, S. (2014). Looking at others' sufferings. Moscow, Ad Marginem Press.
- Terner, V. (1983) Symbol and ritual. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva “Nauka”.
- Vahstain, V. (2006) Sociology of things and “turn to the reality” in social theory [Sotsiologiya veshchei], Moscow, Territoriya budushchego, 7–39.
- Varneken, F. & Thomasello, M. (2011) Cognition in the service of culture [Kognitivnaya psikhologiya], Moscow, Lomonosov, 79–90.
- Viko, J. (1994) The basics of the new science. Moscow, Kiev, Refl-book, ISA.
- West, D. (2015) Continental psychology: introduction.
- Yadov, V.A. (2009) Declaring the love to the anniversarian [Konstanta v neopredelennom i menyaushchemsya mire: malen'kaya psikhologicheskaya serenade k yubileyu G.M. Andreevoy], Moscow, MGU, 9–14.